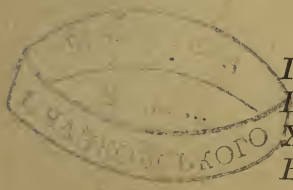
Три горбы реготу

808.7
T782

Тры торбы реготу.

ЗБИРНЫКЪ

украинськихъ побрехеньёкъ.



Гей вы парубки, дивчата
Ця книжка дуже тароват
Хто грамоту маракуе
Нехай заразъ іи купуе.

КІЕВЪ.
Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова.
1909.

КІЕВЪ.
Типографія И. И Чоколова, Фундуклеевская ул., № 22.
1908.

308.7
T782 Storage

1. Колысь було.

Колысь було, мовлялы,
Въ нашимъ сели, балакають,
Жывъ чоловикъ, мовлялы,
Простый мужыкъ, балакають;
Його жона, мовлялы,
Така жъ була, балакають,
Якъ чоловикъ, мовлялы,
Однакова, балакають.
Тильке дочка, мовлялы,
Така вдалась, балакають,
Що кращои, мовлялы,
Нигде нема, балакають,
Хочъ свитъ пройды, мовлялы,
Увесь кругомъ, балакають!
Що очи ти, мовлялы,
Якъ терночокъ, балакають,
Що бривонькы, мовлялы,
Якъ шнурочокъ, балакають;
А губонькы, мовлялы,
Якъ рожа та, балакають,
Ще й зубонькы, мовлялы,
Перловыи балакають;
А въ румянци, мовлялы,
Така сыла, балакають,

Що вси квиты, мовлялы,
Погасыла, балакають!
Все лыченько, мовлялы,
Якъ той папиръ, балакають.
Головонька, мовлялы,
Якъ макивка, балакають,
Балакае, мовлялы,
Якъ ластивка, балакають;
Що устонька, мовлялы,
Якъ калына, балакають,
Солодкій, мовлялы,
Якъ малына, балакають!
Въ неи коса, мовлялы,
Якъ та рука, балакають.
И досяга, мовлялы,
До самыхъ нигъ, балакають.
А якъ иде, мовлялы,
Наче плыве, балакають,
Якъ рыбонька, мовлялы,
Въ тыхій води, балакають.
Така краса, мовлялы,
Якъ той патретъ, балакають.
Мовъ-бы маляръ, мовлялы.
Намалювавъ, балакають.
И сваталысь, мовлялы,
Вси парубкы, балакають.
Та гарбуза, мовлялы,
Уси взялы, балакають;
Бо краля та, мовлялы,
Не йимъ росла, балакають,
За неи ричь, мовлялы,
Пройшла ввесь свитъ, балакають.

Уже й паны, мовлялы,
Лыцялыся, балакають,
Та й ти ни съ чымъ, мовлялы,
Верталыся, балакають.
А якось разъ, мовлялы,
Прыйихавъ князь, балакають,
Щобъ поглядить, мовлялы,
На ту красу, балакають,
Та тильке й той, мовлялы,
Такъ закохавсь, балакають,
Що днивъ изъ тры, мовлялы,
Все сватався, балакають.
Пойхавъ винъ, мовлялы,
И не вертавсь, балакають,
Мабуть и винъ, мовлялы,
Повизъ гарбузъ, балаквють.
И довго-бъ ще, мовлялы,
Красуня та, балакають,
Отакъ усихъ, мовлялы,
Соромыла, балакають,
Та десь узявсь, мовлялы,
Лыхый козакъ, балакають,
Тыхенько винъ, мовлялы,
У вечери, балакають,
Застыгъ красу, мовлялы,
На улыци, балакають,
Та вкравъ іи, мовлялы,
И десь повизъ, балакають.
И бильшъ нихто, мовлялы,
У насъ въ сели, балакають,
Нє бачылы, мовлялы,
Тіи красы, балакають.

А чутка йшла, мовлялы,
Що дивка та, балакають,
Изъ козакомъ, мовлялы,
Звинчалася, балакають;
Не сылою, мовлялы,
Охотою, балакають,
Бо дуже винъ, мовлялы,
Хорошый бувъ, балакають,
Така-то ричь, мовлялы,
Таки дила, балакають,
У старыну, мовлялы,
Робылыся, балакають,

А. Пивень.

---

2. Два цыгана на свайби.

Одынъ разъ до одного пана затесалось на свайбу два знакомыхъ йому цыгана. Гулялы воны по-мижъ гостямы цилый день и прыдывлялысь на панськи утихы, а дали, якъ посидалы уси гости вечерять, такъ цыганы силы и соби за стилъ.

Зачалы подаватн на стилъ усяку страву: борщи, супы та вермешели, а писля гарячого сталы подавать жарене та холодне зъ разнымы пидлывамы. Побачывъ молодый цыганъ, що уси гости кладуть соби на тарилкы маленькымы ложечкамы шось жовте и йидять його потрошку зъ холоднымъ та зъ жаренымъ, та подумавъ, що то яка-сь дорога та дуже добра страва

А то була простысенька горчыця, тильке цыгане йійи зроду не йилы и не бачылы.

Узявъ винъ чымалу ложку, зачепывъ повну тіи гирчыци, щобъ добре роскуштувать, та й положивъ соби у ротъ. Дывыться цыганъ, ажъ лыхо, та никуды диваться! Якъ бы це було у шатри, то винъ бы йійи геть выплюнувъ изъ рота, та ще й вылаявсь бы добре, а тутъ стыдно було, бо кругомъ паны сыдять! Запекло йому, сердешному у роти и въ горли, а сльозы такъ и закапалы!

Побачывъ другый, старшый цыганъ, що той плаче, та й пытае:

— А чого ты, Кырыло, плачешъ?

— Та згадавъ я про свого покійного батька, що повисылы його безъ выны, безъ провынности, та й жалко стало.

Старый цыганъ бачывъ, якъ винъ куштувавъ гирчыцю, та й соби набравъ повну ложку та поклавъ у ротъ. Якъ прыпекло старому у роти, такъ и у його сльозы потеклы изъ очей.

А молодый цыганъ засміявся та й соби пытае:

— А вы, дядьку, чого плачете?

— Та я плачу объ тимъ, чомъ тебе, бесурманського сына, не повисылы умисти зъ твоимъ батькомъ!

3. Якъ дидъ бабу любывъ та шанувавъ.

А въ мисяци сентябри
Та впала пороша!
Тымъ дидъ бабу полюбывъ,
Що баба хороша!

Нема зубивъ, ни очей,
Ни рукы правои,
Прыпадае дидъ до бабы,
Мовъ до молодои.

Взявшы бабу за рученьку,
Повивъ у свитлыцю,
Поважае дидъ бабусю,
Мовъ ту молодыцю.

Посадывшы на прыпичку,
Ставъ пыльно дывыться,
Колы жъ тая вража баба
Зовсимъ не годыться!

Сама не годыться,
Та ще й не корыться:
И лаеться, н кепкуе,
Якъ та видьма, коверзуе;

И гарчыть, и бурчыть,
Проты дида не мовчыть;
Дидъ способу прыбирае,
Якъ ту бабу попобыть!

Ставъ способу прыбирать,
Якъ бы до бабы прыстать,
Щобъ бабусю научыть,
Якъ изъ дидомъ добре жыть.

Цилувавъ, милувавъ
И по щокахъ ляскавъ,
И самъ дидокъ утомывся,
Покы бабу въ коскавъ!

„Ой не знаю, що робыть,
Де цю вражу бабу дить,
Бо не хочу я изъ нею
И на свити теперъ жыть!

Чы бросыть у хати,
Чы вынесты въ сины,
Чы укынуть у свынушнякъ,
Щобъ свыни иззилы?“

Бачыть баба, що бида,
Та й стала просыться:
„Ой, мій мылый дидусеньку,
Покынемо быться!

Покынемо быться,
Та давай мырыться,
Мы стари давно обое,
Чого намъ сварыться?“

Дидъ одъ серця одійшовъ,
Та до бабы пидійшовъ:
Пиды, бабо, вмыйся,
Гарненько вберыся;

Уберыся, стара бабо
У всякее билля,
Хочу тебе повесты
Хочъ разъ на весилляя.

Прыберайся, стара бабо,
Въ дороги наряды...

— Та вже вбралась, теперъ, диду
„Куды хочъ-провады“.

Якъ углядивъ дидъ бабусю
Въ дорогихъ нарядахъ:
Ходимъ, бабо, погуляемъ,
намъ люды ради!“

Подывився дидъ на бабу,
На хорошу вроду,
Повивъ йійи на мистокъ,
Та й упхнувъ у воду

„Отутечкы, стара бабо,
Колы хочешъ, кайся,
Тутъ вода холодная,
Тутъ и покупайся!

Це вода бигуча,
Добре покупайся,
Та якъ дида шанувать,
Оттутъ назвычайся!“

Ой тутъ баба крикнула:
„Рятуй мене, друже!
Нащо мене сюды пхнувъ,
Тутъ холодно дуже“!....

А що баба вырне,
То дидъ кыемъ двыне;
Поты баба булькотала,
Покы тамъ пропал!

Стоить дидокъ на мистку
Та вдолони плеще:
„Колы бъ оця утопылась,
Оженывся-бъ еще!“

Одійшовъ дидъ одъ мистка,
Та зачавъ хрестыться:
„Ну, пропала моя баба,
Буду ще женыться!“

Иде дидъ додому,
Та въ скрипочку риже,
Оглянувся, ажъ та баба
Зъ очерету лизе.

Излякався старый дидъ,
Та й прыбигъ додому:
„Ой погано мени жыть
У хати сомому!“

Якъ задумавъ старый дидъ
Другый разъ женыться,
Роздывывся винъ на себе,
Ажъ самъ не годыться!

Ставъ дидокъ божыться,
„Не буду женыться,
Хай женяться тіи,
Котри молодіи.

Нехай женяться таки,
Котри молодіи,
Нехай беруть старыхъ бабъ,
Абы не слипіи.

Бо старенька жинка
Добрый борщыкъ зварыть,
А молода чепуруха
Все хазяйство збавыть.

4. Москаль зъ полотномъ.

Крычыть баба, репетуе,
Стукае въ викно,
А москаль прыпавъ до плота,
Тягне полотно.

Стягнувъ соби. „Прощай, бабка!
Злокъ не поминай!..“
Стара баба у погоню:
—„Службо почекай!“

Москалеви те й байдуже.
Баба вже й клене:
—„Нехай тебе, препоганый,
Куля не мыне!..“

„Пусть себѣ,—москаль говорыть,
Баба паарьотъ,
Вить добрава челавѣка
Пуля не вазьмьотъ.“

—„Бодай тебе своею лаской
Господь обмынувъ!
Бодай же ты, препоганый,
Дзвона не почувъ!“

„Что мнѣ, бабка, твои дзвоны?
Дзвоновъ не видалъ?
Кабы я лишь на паходѣ
Барабанъ слыхалъ!“

—„Бодай же ты свита сонця
Бильше не выдавъ!
Бодай же ты зозуленькы
Бильше не чувавъ!“

„Что мнѣ слушать, какъ зазуля
Вашая пайотъ?
Менѣ въ матушкѣ Расѣи
Й одудъ закуйотъ!“

С. Руданськыя

---

5. Бджола и мухы.

Хтось мухамъ набрехавъ,
Що на чужыни краще жыты,
Що слидъ усимъ туди летиты,
Хто щастя тутъ не мавъ.
Наслухалысь дви мухы того дыва—
(Про се найбильше чмиль гудивъ):
„Тутъ—кажуть—доля лещаслыва,
Дурный, хто доси не летивъ!
Покыньмо, кумо, Украину—
Нехай ий хринъ!
Та мандруймо на чужыну,
Ажъ до веселыхъ тыхъ долынъ,
Де доля кращая витае,
И, може, плаче, насъ ждучы...
Зимы тамъ, кажуть, не бувае,—
Гуляй, безпешно жывучы!“
Такъ одна муха-цокотуха
Базикала зъ кумою вдвохъ,—
Колы поглянуть на горохъ—
Сыдыть бджола та мовчкы й слуха.
„Здоровеньки булы!“
Обыдви мухы загулы:
„Отъ добре, що зустрилысь зъ вамы...
А нуте й вы збірайтесь зъ намы!. “

На се бджола сказала имъ:
„Шкода! я ридну Украину
Не проминяю на чужину,
Нехай се щастя вамъ сямимъ.“
А мухы разомъ задзычалы:
„Ось годи, не можить!
Жылы мы тутъ—добра не знали,
Бодай бы такъ не жыты!
Не то паны, дурни селяне—
Усяке шкодыть намъ:
Що дня таке життя погане,—
Колысь такъ буде й вамъ.“
—„Ни я сього не сподиваюсь,“—
Сказала имъ бджола:
„Мени шаноба скризь була,
Бо я безъ дила не тыняюсь.
А вамъ—
Однаково, що тутъ, що тамъ;
Вы ни на кого не жалкуйте;
Обрыдло тутъ туды мандруйте
На втиху паукамъ.“

Я про охочыхъ до мандривки
Давно сказать хотивъ:
Хто дома зледащизъ,
Тому не жаль дорожки.
Диды мовлялы имъ колысь:
Идите, рынде,
Куды ынде,—
На що вы намъ здалысь?
Тамъ, може, васъ не знатымуть.
То й рындею не зватымуть.

Л. Глибивъ.

6. Гуменный.

Издывъ панъ за гряницю,
Назадъ повертае—
Та й до свого гуменного
Лысты посылае,
Щобъ гуменный на гряницю
Прыбувъ и давъ знаты,
Що диеться въ нього вдома
Та и коло хаты.
Прыбувае и гуменный.
„А що тамъ, Иване?“
А гуменний йому каже:
—„Та все гараздъ, пане!
Тильки коникъ, що панъ далы
Таляра за нього,
Изломывся, сказать правду,
Ни зъ того, ни зъ сього.“
„Ну, зломався то зломався,
Що то й спомынаты;
Певне, хлопци малы гратысь,
Те й його зламаты!“
—„Таки правда, ясный пане,
Хлопци поламалы,
Лышъ не гралысь, а сывого
Коня билувалы.“
„А изъ чого жъ то сывый згынувъ?“
—„Пани хорувалы,
За ликарствомъ якъ погналы,
Та и пидирвалы!“
„То и пани хорувала?!
Ахъ, Боже мій, Боже!

Що жъ, здорова моя пани?...
Говоры, небоже!"
—„Помолиться, пане, Богу:
День лышъ хорувалы,
А на другый видъ пожару
Богу й душу далы."
„Видъ пожару? Що такее?!"
—„Просте, пане, дило:
Якъ зайнявся тикъ у пана,
То все погорило."
„Пани вмерла!.. все згорило!..
Будь здоровъ Иване!"
—„А ще панна ваши вдома—
Повернеться, пане!"
„Що жъ тамъ, голубе Иване,
Якъ тамъ бидна дочка?"
—„А ничого!.. уповила
Хлопця якъ лычочка!.
Спомьянувъ тутъ бидный панъ
Чорта и чортыцю,
Плюнувъ зъ лыха, сивъ на брычку:
Рушай за гряныцю!"

С. Руданський

---

7. Горлыця и горобець.

Байка.

Воркувала горлыця у садку,
У куточку тыхенькому, на бузку,
Жалкувала сызокрыла, що, вона
Не счулася, якъ мынула и весна,

Не вглядила, якъ одцвився и садокъ,
И черешни, и вышенькы, и бузокъ;
Сумувала, що прыйдеться в-осены
Десь шукаты ще иншои стороны.
Пидлабузнывсь до горлыци горобець,
Наче справди запорозькый молодець:
„Ой послухай, голубонько, не журысь
Ты на мене, молодчыка, подывысь!
Чы е въ свити де такіи молодци,
Якъ мы славни та весели горобци?
На все вдатни—до любощивъ, до писень,—
Цвиринькаемъ, жартуючы увесь день!
Ты не бійся, голубонько, що зима
Посыплеться билымъ снигомъ... то дарма!
Насъ зъ тобою тее лыхо не зляка:
Перебудемъ пидъ стрихою въ козака.
А якъ гляне ясне сонце на весну—
Забудемо тую зиму нависну.
Поростають тіи биліи снигы,
Покрыються травыцею вси лугы,
Розивьеться калыненька и садокъ,
Розцвитуться и вышенькы, и бузокъ;
Заспивають уси пташкы, якъ въ раю,
Прывитатымуть голубоньку мою;
А ты, серце-голубонько, не журысь,
Та до мене молодчыка прыхылысь...“
—„Бодай тоби, горобчыку не брехать,
А горлыцямъ твоихъ брехень не чувать!
Не до пары голубоньци горобець,
Хочъ якый винъ прехорошый молодець:
Треба мени, сызокрылий голубка—
Якъ хорошій дивчыноньци козака.“

Де не взявся сызокрылый голубокъ—
Якъ ухопыть горобчыка за чубокъ!
Помнявъ його, понивечывъ, якъ хотивъ,
Оскубъ його, молодчыка, та й пустывъ:
„Оце тоби, горобчыку,— такъ не вчысь,
До чужои голубонькы не тулысь!
Якъ дремене горобчычокъ у садокъ,—
Болыть його головонька и чубокъ.
Регочуться проклятіи горобци:
„Отакъ наши добувають молодци!"
Засоромывсь осміяный горобець
Та й покынувъ риднесенькый табунець,
Полетивъ винъ свитъ-за-очи у садкы
Видшептувать головоньку и бокы.

Я выгадавъ, лежачы на печи,
Для васъ сюю баечку, панычи!
Ой не будьте, панычеиькы-молодци,
И вы таки, якъ отіи горобци;
Пригортайтесь, козаченькы, до дивчатъ—
Хыба мало е хорошыхъ бровенятъ?
Дивчыноиька, якъ квиточка—зъ нею рай,
А чужои молодыци не займай,
Бо налетыть часомъ сызый голубокъ—
Болитыме головонька и чубокъ!

Л. Глибивъ.

---

8. Собака й кинь.

Бувъ на сели Квачанъ-собака,
Кудлатый та товстый,
Хвистъ здоровенный, якъ ломака,

И самъ такый страшный.
Разъ, лежучы зничевья на травыци,
У холодочку пидъ кущемъ,
Винъ розбалакався зъ конемъ
Про те, про се, про всякіи дурныци;
А дали ричъ на те звернувъ,
Що винъ у господарстви—сыла,
Не те, що кинь або кобыла.
Усякъ се, може, чувъ.
„Що жъ, коню, ты? попыхачъ головатый..
Дыковына тымъ возомъ торохтить;
Велыке дило борону тягаты,
Або снопи возыть!
Онъ я: и череду у поли доглядаю,
Ввесь двиръ, кошару стережу,
До току побижу—
Цилисинькую ничъ не спочываю!“
На ричъ таку собаци кинь сказавъ:
„Се, може, й правда, хто васъ знае,
На свити всякъ бувае...
А я бъ тебе про отъ що попытавъ:
Колы бъ я хлиба не возывъ,
То що бъ стеригъ тоди кудлатый
И що бъ винъ ивъ?“

И люде е таки ледачи,
Мудрують по-собачій:
Мы, бачте, сыла, мы—стовпы,
У насъ, мовъ, золоти лобы,
Мы громадяне,—
А то все сучча копійчане,
Бадилля свитове!..

Сказавъ бы щось про квачана такого
И що воно й до чого,—
Та цуръ йому! бс ще порве..

Л. Глибисв.

---

9. Салдатська икра.

Сыдыть москаль коло лавы,
Порохъ насыпае,
Ажъ пидходыть стара баба:
„А що то?“—пытае.
—А что-жъ? икра салдатская,—
Ставъ москаль брехаты,—
Вить съ ентаво у насъ, бабка,
Выходятъ салдаты.
„Пострывай же, бисивъ сыну,“—
Стара соби каже,—
„Въ мене жывс икра ваша
У печи поляже!“
Тилько лыхо москалыну
Зъ хаты одвыхнуло,
Баба порохъ та до печи,—
Печи якъ не було!
„Чы жъ не дыво зъ москалямы?“—
Баба промовляе:
„И въ икри ще москалына,
А що выробляе!“

О. Руданськыя

---

10. Чы высоко до неба.

Що пьять верстовъ, то й коршомка,
Ничого й личыты!..
Бо пьять верстовъ якъ проидешъ,—
Треба й одночыты.
Ото їдуть изъ ярмарку
Двое господаривъ,
У кожного визъ порядный,
Волыкивъ по пари.
Идуть соби помаленьку,
Грошенята мають,
Полягалы на соломи
Тай думу гадають...
Дали одынъ прокудывся
Зъ глыбокои думы,
Повернувся на соломи:
„Чи спышъ“,— каже, — „куме?“
—Що говорышъ?—другый каже.
„Чы спышъ? я пытаю“.
—Та не сплю ще, каже, куме,
Тилькы шо дримаю.
„Не дримай же на годынку,
Та глянь протывъ неба,
Скилькы бъ верстовъ такъ до неба
Проихаты треба?“
—Та Богъ його святый знае
И добріи люде!
Я думаю, що не бильше,
Якъ пьять верстовъ буде.

„Гуттю, куме! та не баба
Тоби набрехала,
Бо якъ бы цьяти верстовъ було,
Тамъ коршма бъ стояла!

С. Руданьскый

---

11. Серденько.

Стрівъ козакъ дивчыну
Ставъ ій казать:
„Дивчыно-рыбчыно,
Якъ тебе зваты?“

Глянула дивчына
И зачервонила,
Та й не сямылась,
Якъ говорыла:

„Звуть мене донею
Батько та ненька;
Ты жъ, якъ зустринешься,
Скажешъ: „Серденько!“

Я. Щоголевъ

---

12. Чумакъ зъ мазныцею.

Чы въ Кыиви, чы въ Полтави,
Чы въ самій столыци
Зъ мазныцею мужыкъ ходыть
По-межи крамныци.

А въ крамныци—куды гляне:
Сыбромъ, злотомъ сяе;

А йому то и байдуже,—
Винъ дьогтю пытае.
Въ найбагатійшій крамныци
Два купци сыдило;
И туды мужыкъ заходыть
Зъ мазныцею смило.

„—Добры-день вамъ, добри люде!“
Та й почавъ пытаты:
„Чы нема у васъ прынаймни
Де дьогтю продаты?“

—„Нету, нету!“—купци кажуть,
Та й шельмы сміються;
„Здесь не дьоготь, только дурни
Одни продаются.“

—„Що жъ нивроку,—чумакъ каже,—
Добре торгувалось,
Що-йно два васъ такыхъ гарныхъ
На продажъ зосталось!..“

О. Руданськый.

13. Буруля та Омелько.

Мартынъ Буруля, хотившы вывесты свого сына въ паны, оддавъ його въ городъ на службу. Повизъ його туды наймытъ Омелько, а видтиля винъ мавъ прывезты женыха Бурулиній дочци, тежъ паныча-канцелярыста.—Свитлыця у Бурули. Увиходыть наймытъ Трохымъ.

Трох. Тамъ прыйшовъ Омелько.
Март. Якый Омелько?

Трох. Та нашъ же Омелько...

Март. Самъ?

Трох. Самъ.

Март. *(на бикъ)*. Що жъ це за знакъ: и забарывся, и женыха не прывизъ? *(До Трохыма)*. Запрягай же свижыхъ коней у нашу натычанку та поидемо зо мною у станъ, а Омелько нехай заразъ иде въ хату.

Трох. Винъ боиться иты въ хату.

Март. Чы ты не здуривъ? Чого винъ боиться?

Трох. Та коней нашихъ покралы въ городи.

Март. Якъ?..О, Господы! Нова напасть... Тягны його сюды, за чуба тягны! *(Бижыть до дверей)*. Омельку! Иродъ! Супостатъ! Иды въ хату! *(Входе Омелько босый)*. Де кони, азіяте?

Омелько. Укралы.

Март. Укралы?

Омелько. И чоботы, и кобенякъ укралы...

Март. Якъ же въ тебе головы не вкралы?

Омелько. Бо никому не потрибна, у кожного е своя хочъ поганенька.

Март. Що жъ мени зъ тобою робыть? Га? Що?.. Бодай ты галушкы не проковтнувъ, щобъ ты вареныкомъ подавывся, кажы,—шкуру зъ тебе здерты?.. Росказуй, анахтема, якъ було дило?

Омелько. Та такъ було дило, що якъ прыйихалы мы зъ панычемъ, заразъ пона-

ходыло тыхъ судейськыхъ выдымо-невыдымо. Послалы за горилкою, панычъ досталы сало, курей и прынялыся трощыть та пыть. А дали, спасыби имъ, и мене почастувалы; а чарка така, що й собака не перескочыть; я довго не хотивъ выпыть и такы выпывъ. Выпывъ, закусывъ саломъ—у мене зъ дому було свое сало и хлибъ...

Март. Мерщій росказуй! Ты зъ мене печинкы вытягнешъ.

Омелько. Не перебаранчайте, пане, бо вы мене зибьете зъ пантелыку.

Март. Я тебе съ нигъ зибью и шерсть на тоби выскубу!

Омелько. Отъ я й забувъ, що казавъ.

Март. Говоры, говоры, бисова патяко, буду мовчать, говоры..

Омелько. Выпывъ, закусывъ саломъ.

Март. Ну?

Омелько. У мене зъ дому було свое сало и хлибъ...

Март. *(кризь зубы)*. Чувъ, чувъ!..

Омелько. Напоивъ коней и хотивъ спать лягать, а тутъ, спасыби имъ, ще пиднеслы. Потимъ третій разъ почастувалы, и вже не скажу вамъ: чы частувалы ще й четвертый разъ чы ни, бо не памьятаю якъ и заснувъ. Вранци, до схидъ сонця, прокынувся—не можу головы пидвесты... Почавъ прыгадувать: де я? Не прыгадаю. Глянувъ на бикъ: чыись боси ногы на полудрабку. Що воно за тварь, думаю соби, втыслася

до мене на повозку, чы не Горпына. Дали думаю: колы є ноги, то повынна буть и голова; а головы не выдко, тилько моя, та й своєи головы не бачу, а чуть що на вьязахъ щось таке важке телипаеться, мовъ хто начепывъ клунокъ зъ пискомъ... Помалу, помалу пидривъ я голову. Дывлюсь: никого нема, кругомъ чужа оселя... Боже мій! Тутъ зразу голова моя зробилась легка, якъ вивсяна полова, и я догадався, де я и що зо мною було! Схопывсь... сюды, туды—нема ни коней, ни чобитъ, ни кобеняка! Сивъ я та й заплакавъ.

Март. Заплакавъ?

Омелько. Заплакавъ. Гиркымы сльозамы заплакавъ: чоботы булы настоящи шкапови и кобенякъ...

Март. Луцыпиръ! А коней тоби не жаль?

Омелько. Та кони знайдуться, бо тамъ якыйсь судейськый, зъ мидною бляхою на грудяхъ спысавъ усе: и якъ коней зъуть на менння, и до якого полудрабка котра коняка була прывьязана, и полудрабкы розглядилы усе якъ слидъ; я росказавъ уси прыкметы. Запысалы и те, що якъ ударывъ батогомъ, то Кулкатъ крутыть хвостомъ собъ, а Зозуль крутыть хвостомъ цабе—все записалы, кони знайдуться!.. *(Зитхае)*. А чоботы й кобенякъ...

Март. Геть зъ очей, паршывый робитныкъ! Тоби гындыкы пасты, а не коней

глядить! Сами кращи кони пропалы! Будешъ же ты одслужувать мени за коней шисть литъ.

Омелько. А буду,—таке дило! *(На бикъ).* А хто жъ мени одслуже за чоботы та за кобенякъ? Якъ бы не ты, то я бъ ихъ и не бравъ...

---

14. Пидбрехачъ.

Дуже недобре дило брехаты! Брехнею, кажуть люде, свитъ пройдешъ, та назадъ не вернешся. Брехунъ соби ворогъ и людямъ зло робыть. Усякый зна сю правду, одначе всякъ бреше. Не наривно. Одынъ бреше на вси заставкы; ыншый бреше потришку, оглядаючысь—а все недобре дило брехаты. Хочъ ты на пивпальця збрешешъ, а лыха наробышъ на ввесь зикъ. Оглядитесь лышень кругъ насъ, на кого карлючка закарлючыться? Оттой якъ схватався, такъ казавъ, що въ нього дви слободы и грошей повни комори: одурывъ дивчыну; пишла за нього, та й плачеться по-усесь викъ; бо не тилькы ничымъ содержуваты зъ диточкамы, та глядить лышень, чы е що кусаты. Другый позыча гроши, божыться: черезъ годъ, каже, виддамъ; а годъ мынувъ,—не тилькы ростъ, та й ысте пропало! Ыншый каже: „Давайте попереду грошыкы: я вамъ мудрыхъ кныжокъ понапысую.“ Грошыкы счы-

стывъ, а по кныжкы хочъ и не прыходьте. „Цуръ дурнивъ,—каже одурывъ васъ, буде въ мене; слухайте, ось вамъ кумедіи... Та якъ же росказуваты, якъ хто и колы збрехавъ, такъ и до свиту не перекажешъ ихъ. Мы тилькы подумаймо про те, що недобре дило брехаты: недобре для себе, а другому такого наробышъ, що й не видчытаешъ ничымъ! Ось слухайте.

Просывъ Пархимъ Остапа, щобъ пишовъ за нього старостою до Хиври Хивря була дивка годяща. була хазяйка, роботяща, мала й худобынку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный, хочъ куды. Остапъ—ничого робыты, каже: „Добре, пиду, абы бъ товарыша знайты.“

Зострився зъ Самійломъ.

— Здилай мылость, Петровычу Самійло,— каже Остапъ: иды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

— Та чы зумію лышень?—каже Самійло— Зроду не бувъ у симъ дили!

— Та воно не трудно,—каже Остапъ:—я буду почынаты брехаты, а ты пидбрихуй; звисно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають, а безъ брехни вже не можно! Я збрешу на палець, а ты пидбрихуй на цилый локоть, то й закинчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть якъ знають!

— Добре, Остапе, зумію! Пиду добуду паличку и зайду за тобою,—сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ годыться, узялы хлибъ святый пидъ плече, паличкы у рукы, пишлы до Хиври.

Увійшовшы у хату помолылыся, хозяинови поклонылыся и почалы казаты законніи речи про порошу, про князя, про куныцю,—и звелы на красну дивыцю.

Добре жъ! Стари Хиврыны усе слухають; дали почалы роспытуваты, що е у молодого?

— Та у нього чымало е чого,—каже першый староста.

— Де то чымало?—каже пидбрехачъ.—У нього всього е багацько.

— Е й волыкы.

— Та яки волыкы? Таки настоящи волы.

— Е й овечата,—почына першый староста.

— Та яки овечата? Тки настоящи вивци!—пидбрехуе Самійло.

— Е й хатына.

— Та яка хатына? Настояща хата, новисинька, просторна.

— И у господарстви недуже кому дае воли.

— Та такы й никому. Самъ усимъ орудуе и що хочъ, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкають, що таке добро достанеться ихъ дочци; та й почалы пытаты, хто именно парубокъ.

— Отъ колы знаете, Пархимъ—сказавъ Остапъ.

— Терешковычъ, Понура, договорывъ Самійло.

— Е! Се бъ то той крывый на ногу?— спытала маты Хиврына.

— Та винъ такъ трошкы храма, на одну ногу,—сказавъ першый староста.

— Де то храма? И не на одну, а винъ и обома не здужа ходыты!—пидправывъ пидбрехачъ.

— Та трохы чы не косый?—пыта батько Хиврынъ.

— Та такъ косенькый на одно око,—каже староста.

— Де то вже на одно? И не косенькый овся винъ и обома ничого не бачыть!— додавъ пидбрехачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва?— пытается батько.

— Такъ выпье потрошку, колы та колы,— каже Остапъ.

— Де то вже колы та колы? Такъ пье усякъ день, и такы не потрошку, а пье, покы звалыться.

— Та, кажуть, щось тамъ нашкодывъ, такъ чы не буде йому биды?—допытуеться батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы,—сказавъ староста.

— Якъ то можно трошкы? Иого такы гарно катъ попибье та й на Сибиръ зошлють— закинчывъ пидбрехачъ.

Писля такои розмовы що батькови та матери Хиврынымъ робыты? Выпроводылы

нечестю старостивъ и трохи чы й не позывалы ще за бешкетъ, що за такого женыха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парубка пустылы славу, що й повикъ не збувъ. Дуже недобре дило брехаты.

Грыцько Квитка Основьяненко.

---

15. Цикавый.

Учора оце выпровадывъ я свого старшого сына зъ борошномъ у Кыивъ, тай боюся, колы бъ биды якои не зкоилось надъ нымъ, бо и винъ не вамъ кажучи, мае таку прокляту вдачу, яку и я,—дуже цикавый. Уже я ёму и наказувавъ добре: „Гляды, сыну, часомъ побачишъ у Кыиви яку машину, або що друге такое, що не знаешь ёму прозвання,—не пытайся у москаля, и не приведы тебе Господы, бо наживешъ соби такои биды, що покиль и вмрешъ не забудешъ. Мене, торикъ, навчылы добре, теперенькы за десять верстовъ обмынатыму москаля.—Повизъ ото я овесъ продавать у Кыивъ, да не поихавъ на Подилъ, а вдарывся на Печерське. Прыихавъ, спродався, поставывъ худобу на заиздному двори, а самъ пишовъ у городъ подывытыця. Иду я, роздывляюсь, дойшовъ такечкы ажъ до самои Лавры. Колы я гулькъ, а по праву ручъ велыкый прывелыкый мурованый будынокъ стоить, а кругъ ёго гарматы на колесахъ стоять,

да купамы прывелыкымы здоровенны кули лежать, мовъ кавуны на барышпольскому ярмарку Лышенько миркую я соби, дывлючись на цее страховыще: певне що кудысь на войну лагодятця Ото поспытать бы кого. Колы дывлюсь, коло гарматы стоить чы воно полковныкъ, чы можс и самъ инсралъ, на плечахъ золоты сояшныкы, на голови шапка зъ пирьями а передъ нымъ москаль стоить выпьявшись, мовъ аршинъ проковтнувъ,—такъ и закаменивъ.... Пидыйшовъ я трошкы блыжче, колы чую, ажъ старшый и каже москалевы. „Я тебя, негдяй, въ острогъ зашлю, я тебя въ рыштанськи роты задамъ.“ Э, думаю я, слухаючи, це вже за щось попався бидный москаль. Проказавъ ёму ще щось, старшій и пишовъ; повернувсь и москаль, иде такый хмурный та смутный. И щобъ же було мыни дурніови скорійше одъ ёго дали, такъ ни; неначе чортъ шепнувъ мыни на ухо: „запытай москаля, запытай москаля“ На ту пору, катъ бы ёго взявъ, и прыслывся наче забувъ я: „нема ничого на свити лютійше, страшнійше, якъ сердытый москаль“. Порывнявся я зъ нымъ, на свою лыху годыну, тай кажу: господа служба! розскажыть мыни, богарады, якъ воно стрыляють отъ изъ цихъ гарматъ? Москаль запынывся, та якъ гляне на мене... такъ, сказано, глянувъ, наче трычи по пыци тебе заихавъ. Дывывсь, дывывсь, та зципывши отъ прывелыкой злости зубы, и

каже: „Я тебя трогалъ“? Я одъ его, а винъ мене за комиръ та знову: „Я тебя трогалъ“?—Нитъ кажу, вы мене не тее“!—Такъ зачымъ же ты мыни досаждаешъ?“—Простыть кажу;—я, бачте, хотивъ довидатьця; якъ то ціи гарматы стрыляють! А винъ мыни: „А, хативъ!“—„Ступай, каже, со мной, вотъ я тоби покажу какъ они стрѣляютъ!“ Та зъ цимъ словомъ узявъ мене за поясъ и веде, та куды веде! до самысенькои гарматы прямо на джерло такъ и пре! Москалю, не хочу, пустыть богарады!... такъ куды! „Ступай каже;—вотъ сейчасъ начнется пальба, будешъ ты каже, знать, если живый останешся!“ Москалю, кажу, пустить, бо зо мною, скарай мене Господы, неблагополушно буде; а потимъ якъ заголошу; Ой лелечко, лелечко! Ой Господы, просты же мене!... Змолывся я уже передъ самымъ джерломъ! Постановывъ ото мене москаль и каже: „Вотъ я поставывъ тебя на такому мисти, що ты, хоть поворухнешся тыльки, то такъ тебе и торхне отъ з этои пушки. Стой, каже ажъ покиль начнетця пальба!“ Стою я, та лаю вже себе лаю, а слезы зъ очей мовъ той горохъ, капъ, капъ. А тутъ ще якъ почало щось грызты мене за потылыцю... такъ грызе, що здаетця, давъ бы полтынныка щобъ почухаться, такъ страшножъ поворухнутьця: гемоньска гармата якразъ межъ плечи мыни дывытця. А тутъ ще.... бачте идучи оглядать городъ, я зъивъ два кавуны да кухоль

воды выпывъ... такъ сказано прыйшлось пропадать зовсимъ, тай годи! Стою я тай стою, колы се дывлюсь... изъ нашого села люды идуть: передъ веде Гаврыло Лапій. Глянувъ и винъ на гарматы, побачивъ мене и пытае: „Чого се ты тутечкы, Якове? вытришкы продаешь, чи що?“—Заразъ, кажу, пальба буде!—„Такъ якогожъ ты биса стоишь тамечкы?“—Треба, кажу, стоять, колы москаль поставывъ!—„За що?“ такъ и такъ кажу.—„У, дурный, каже:—тикай же, скорійше, покиль москаливъ не выдно.“ Такъ, кажу, поворохнутьця не можна!—„Ерехня, каже, цьому.“ Помиркувавъ я трохи, перехрестывся, та помалесеньку и почавъ прысидать; прысидаю, прысидаю; а дали помалесеньку: рачкы, рачкы, потимъ якъ дремену.. Здается зроду ще нихто такъ швыдко не бигавъ, якъ я тоди бигъ. Зъ того часу годи издыть у Кыивъ: та якъ его въ биса й ихать туды? Прыидь та попаде ся, не прыведы Господы, на очи тому самому москалеви, тоди не тылькы до гарматы а впре въ саму гармату, та якъ скаже: „Заразъ пальба буде!“ и... Богъ зъ нымъ.

---

16. Мертвое тѣло.

Ихавъ якось черезъ наше село Вырвихвистку, становый! И якажъ то кумедыя зкоилась изъ того гемонського переизду,

такъ смихъ и казаты добрымъ людямъ! Побачивъ ото винъ, идучи що недолеко отъ управы, якразъ коло бытого шляху, лежыть здохла курка: заразъ звеливъ запыныть кони, пидозвавъ мене и питае:

„Ты хто такой?“

— Гаврыло Очкурня, кажу ему.

„Дуракъ“, каже.

— Може и такъ, отвитую.

— „А по служби хто ты такый?“

— Старшина, кажу.

А колы ты старшина, каже, то кудыжъ ты дывышся, да и показуе пучкою на здохлу курку и пытае мене:

— „Выдишъ?“

— Бачу, кажу, колы лежыть передъ очыма!

— „Выдишъ?“

— Да выжужъ, бачу!

— „Выдишъ?“ пытае въ третте.

— Выжу-бачу и бачу выжу! Цежъ не голка, а цилисинька курка?

— „На что это похоже?“ пытае.

Пидыйшовъ я до гемоньскои куркы, глянувъ на неи збоку, тай кажу, якбы не такы ногы та голова, то можебъ походыла и на гуску.

— „А, такъ ты, каже, болванъ, ищо сміятьця здумавъ! Отвичай: съ чѣмъ сообразны, на что похожы такыи возмутытельныи явленія?“

Хай тоби, думаю, бисъ, де це ты взявся на мою голову? та не вамъ кажучы, ажъ

злякавсь. Да впьять такы помыркувавшы, яку птыцю найбильшъ паны люблять; кажу, въ чимъ же сообразна?—сообразна кажу зъ журавлемъ, ваше благородые? А самъ думаю соби: ничого казать похоже такы, якъ чорне теля на жиночу плахту! Якъ почувъ же винъ отвитъ мій, такъ ажъ пидскочывъ.

— „Я тебя за такы отвиты въ острогъ засажу, говори, что это такое?“

Шуликою дывытця на мене, а пальцемъ показуе на прокляту курку. Що ты на свити казатымешъ ему? Чысто забывъ зинъ паморокы мыни... а дали одважывсь тай кажу.

— Не знаю, що воно таке!

А винъ знову:

„Я тебе спрашиваю, что это такое?

— Птыця, кажу, якась чужостороння!

— „Знаю“ что птыця, а какъ ii теперъ назвать?

— Богъ его святый знае, якъ воно по вашому буде на прозваные, а по нашому, кажу, це простысенька зузуляста курка, щобъ ii ще въ друге здохнуть проклятой!

— „Дакъ по вашему это курка?

— А вжежъ, кажу курка.

— „Какая“

— Здохла.

— „А понашому, каже, это есть мертвое тѣло, которому лежать въ такомъ мисти ни какъ не подобаетъ, ибо отъ этого можетъ заразиться воздухъ, а отъ сего послѣдняго

могутъ произойти разныя повальныя болѣзни. А дабы правило сіе твердо угниздылось въ твоій дурной голови,—штрафую тебя десятьма карбованьцямы, каковыя деньги ты найскорійше долженъ доставыть у мою становую квартыру. Понявъ?"

— Звисно понявъ, путню ричь и дурень пойме!

Винъ на це ничого неотвитувавъ, крутнувъ вусa, крыкнувъ: „Пошелъ", и заторохтивъ соби дали....

Мисяцивъ черезъ два писля цего я, якъ самы бачте, грамотный, такый рапортъ одвалявъ становому: „Рапортомъ рапортую: що вчорашнього числа, чи то пакъ позавчорашнього, я совершенно не чувствытельно и безъ усякого посторонняго подвожденія, наткнувся на смердячее, не извистно кому принадлежащее „мертвое тѣло" зъ вырьовкою на шыи. Испрашую вашого скорійшаго распоряженыя, а то можетъ заразыться въ Вырвихвистци воздухъ, а саме „мертвое тѣло" зъидять собакы, я идучи уже двохъ одыгнавъ: Омелькового бровка та дьякового рябка,—обыдва такы прокляты що лыхо: торикъ у отця Мыкыты уси ковбасы зъ погреба повытягалы. О чимъ вашому благородыю и доношу.

Старшина Гаврыло Очкурня.

Черезъ тры дни въ Вырвихвистку прыиздять: становый, ликаръ зъ хвершаломъ и

слидователь. Прыихалы и заразъ до мене:
— Де мертвое тѣло?
— А тамечкы, кажу, валяетця на левади у Максыма Булавы!—„Ходимъ!“ Пійшлы.— Осьдечкы кажу, о! Якъ затупотыть на мене ликаръ, якъ крыкне: Чы ты сумашедшій, чы що? Якый це тоби дурень наторочивъ, що це мертвое тѣло, колы це здохла свыня“!
Эге, кажу, такъ да не такъ. вы може и на здохлу курку сказалы бъ: здохла курка, такъ якъ и я казавъ, та и заплатылы бъ десять корбованцивъ штрафу. На око то воно тошно, що це здохла свыня, ну, а якъ пійде вже на дило, то це есть „мертвое тѣло“...

---

17. Чавунка.

Издывъ я у Кыивъ и за покойного батька и якъ самъ уже хозяиновать ставъ, а такого страху не бачывъ, якъ оце на тымъ тыждни идучи зъ Кыива. Доихавъ ото я до тыеи гаспыдськои чавункы, треба, бачъ, переизжать іи, доихавъ, дывлюсь,—ажъ уже ворота зачиняны и москаль коло ихъ похожае, цыгарку покуруе, та ще держыть у руци не велычкый дручечокъ зеленымъ чымъ-сь обмотанный. Я и кажу ему: Господа служба! потружданйтесь, одчыныть ворота, для произду. Винъ якъ гляне на мене, я ажъ зля-

кавсь, немовъ по пыци тебе заихавъ, и пишовъ соби, похожае значытця коло тыхъ воритъ. Я зновъ до его: Господа служба! пустыть будь ласкавы, позвольте, я вже и одчыню и зачыню вамъ ци ворота. Винъ тоди повернувсь, та такъ швыдка до мене, та такъ гаркнувъ мыни въ самисиньку пыку: „нидзя“ и пишовъ. Що це зъ москалемъ, думаю соби? я вже такъ и миркувавъ, що це винъ бижыть, щобъ запалыть мыни ляща въ пыку. Задаремне, кажу, тружалысь, господа служба, не треба було и биггы, цебъ я, кажу. почувъ и одвыттыля: Тай зновъ такы за свое: Пустыть, кажу, богарады! Винъ тоди якъ гаркне, такъ ажъ коняка моя злякалась: „Сказавъ, што нидзя, хохолъ упрямый!“ А ты, Боже мій, думаю соби, що мыни на свити робыты? Тутъ додому мерщій треба, а тутъ гаспыдське „нидзя“. Объихать бы навизну чавучу, такъ де жъ то, колы одынъ конецъ ии - ажъ у самому Кыеви, а другый якъ геть за Бровары простягся—верстовъ двадцять буде, або и того бильше Чому же це, кажу. „нидзя“, добродію? —Сейчасъ, каже, машина будить иты. А писля, кажу можна буде?— Можна, каже. Ничого робыть, треба ждать. Видпустывъ я супоню своій кобыльчыни, пидкынувъ ии синця трохы, выкресавъ огню, закурывъ люльку, сивъ биля воза и куру. Сыжу я, колы се чую, щось гуде, такъ такы точнисинько, якъ гримъ гуде. Я

и пытаю москаля: що се гуде, господа служба?—„Машина идетъ каже стань къ сторони“. Я такы не вытерпивъ: глянувъ геть по чугуньци, хоть и страшно було, сучому сыну, далеби страшно. Глянувъ я, колы се летыть таке страховыще, що и не прыведы Маты Божа! Лышенько, кажу, пропаде кобыльчина зъ ляку, та мерщій свыту зъ себе, та кобыльчыни на голову, а самъ „отче наша“ вычытую. Колы се якъ закрычыть гонко прытонко, немовъ промовляе: пусты-ы-ы-и! Я зыркъ.. такъ такы тошнисенько и похоловъ; стоить попереду самый значытця чортъ, чорный увесь, немовъ зъ комына вылизъ. Я давай хрестытця, колы винъ якъ закрычыть зновъ: пусты! ой-ой-ой-ой-ой-ой! Ажъ биръ розлягаетця, а якысь то человикъ стоить передъ нымъ, пиднявъ руку, хрестыть значитця его, а той тоби крычыть. пустыть, бо вже неможу везты“. А дали вже мабудь розсердывся, та якъ крыкне, якъ чкурне, такъ ажъ выхоръ схватывсь. Святъ, святъ, святъ кажу я тоди, здыймаючи свыту зъ кобыльчыны. Дидамъ, прадидамъ недоводылось бачыть нечысту погань, а мыни трапылось, та колыбъ у ночи, а то въ день.

Переихавъ я тоди чабунку, та луплю вже луплю кобыльчыну, щобъ скорій той лисъ перебигты, бо такый мене страхъ взявъ що лышечко. Не пробигъ я и пивъ версты, колы чую, ажъ десь уже далеко зновъ кры-

чыть. Боже мій, думаю, щожъ якъ его та не вдержать теперечки, та винъ выскочыть? Та давай знову лупыть кобыльчыну, ажъ шкуру на неи побывъ, покиль добигъ до шынку

Малюють чортивъ, та зовсимъ воны не схожи. Я бачывъ намальованнаго чорта, такъ и зъ рогамы и зъ хвостомъ,—брехня! Воно проклята погань така никчемна, чорна тильки—тошно, похожа и на чоловика.

---

18. Брехунци.

Ни, Хведоре, нашому брату мабудь можна тылько издыть по селамъ, та по мистечкамъ, а що въ городъ и не порывайсь, бо тамечкы або въ потылыцю, або чуба намнуть, або послидню копійчину зъ кышени выманчать, а иноди то и все цее разомъ надъ тобою окошытця Прыихавъ я въ Кыивъ, спродався зовсимъ и думалось-то такъ, щобъ заразъ и додому повертатьця. Та де то вже выберешся зъ того Кыива запросто отыи брехунци, що стоять у дверяхъ по лавкахъ, такъ заговорять тоби зубы, що хоть бы и не хотивъ зайты въ лавку, то зайдешъ, непремінно зайдешъ. Тутъ тоби одынъ крычыть: „дядинька!“, другый — гаспадыномъ хазяиномъ велычае, а третій крычыть: „знакомый, знакомый!“ ще и имя преплете, що

чортъ его и бачывъ зроду, такъ ни. знакомый, тай годи. Иду ото я зъ Кыива коло тихъ лавокъ, брехунци заразъ и давай крычать на мене: дядинька! Знакомый! Григорій, Григорій! пожалуйте къ намъ! Та я, кажу, зроду Нечыпоръ, а не Грыцько! По нашому, каже все одно, што Нечыпоръ, што Грыцько,—пожалуйте! Зайшовъ я въ ту лавку и саквы зъ собою узявъ зъ воза. Дайтежъ кажу, мыни оселедця за десять шагивъ. Брехунець метнувся и тыче мыни бруса въ рукы. Та це жъ, кажу брусъ, а не оселедець? „Ни, каже, это загранышна сельодка!“ А самъ сучый сынъ ажъ давытьця. та регочетця. Дайтежъ, кажу, мыни за шисть шагивъ сирки. „Это, каже, можна“. Подае мыни зновъ клубокъ валу,—и регочется вже. Я тоди межи-очи ему: плюхъ, а винъ мене по потылыци: трись. За що ты, кажу, бьешся? А винъ мене въ друге. Бъешся за що, кажу ему знову? А винъ мене въ третте. Э, думаю соби; годи пытать, бо покиль я допытаюсь, то винъ накладе мыни такъ, що и додому не доиду,—та мерщій за шапку, та зъ лавкы, сивъ на воза, одъихавъ зъ гоню, та тоди вже здумавъ, що я у тій лавци саквы забувъ! И не такъ мыни саквы, якъ те, що въ саквахъ: дви чехони, пивъ сотни слывъ и чотыри папуши лютюну. Вернувсь я скорійше, убигъ у лавку, та то чортовому сыну халепа, не попавъ у тую, куды треба, та попавъ у другу; та якъ его

тамъ и втрапыть, колы лавка на лавку такъ схожы, якъ, примиромъ, чобитъ на чобитъ! Прыбигъ ото я въ лавку, глядь сюды-туды,— нема саквивъ; я тоди до брехунцивъ: Сякы такы, подавайте мыни заразъ саквы. Якъ почалыжъ и тамъ давать мыни саквивъ, такъ лышенько! И въ потылыцю, и за чуба, а одынъ колиномъ у пузо мыни якъ давъ, такъ мыни ажъ свитъ зминывсь у очахъ. Я тоди зъ тыей лавкы, та до воза, колы се дывлюсь, ажъ съ третьой лавкы летять мои саквы. Выкынувъ ихъ брехунець на самысиньку дорогу, а самъ заховавсь. Пошлы мои слывы по всій дорози... Я давай ихъ збырать, колы се якъ улупыть хтось по потылыци мене митлою,—повернувъ я голову—москаль! „Ахъ ты, каже подлая деревня, прочъ зъ дорогы! „А мои слывы, добродію? И що то вже за вдача у тихъ москаливъ! Яжъ ему языкомъ казавъ, ну и одвитовавъ бы языкомь: такъ ни, заразъ митлою потягъ мене зновъ по потылыци! Я тоди бачу, що ничого не вдію, плюнувъ на все, сивъ мерщій на воза та по коняци. Одихавъ такъ гонивъ зъ десять, и такъ неначе мене самъ Господь надоумивъ: чомужъ оце я имъ ничымъ не оддячивъ! Повернувсь я, дывлюсь, ще ихъ выдно: брехунци и москаль стоять, та дывлятця. Я тоди давай имъ дули крутыть; ливою кручу, та примовляю: оце вамъ брехунци; а правою кручу,—а оце вамъ господа служба! Уже ихъ

и нема, а я все кручу, на случай значытця, чи не вызыркне котрый небудь. Крутывъ, я, покы ажъ рукы понимилы, тоди вже переставъ и поихавъ соби ходою.

---

19. Слѣдствіе о пожарѣ.

Въ малороссійскомъ селеніи Б. произошелъ пожаръ. Объ этомъ происшествіи мѣстный сельскій староста рапортовалъ исправнику такъ: Вашему высокоблагородію доношу, що у здѣшняго мужика, Сидора Тропака сгорила хата съ хливомъ. Це писарь писавъ, староста приказавъ и собственною рукою печатку накоптилъ и на лопортяку сю приклавъ". Получивъ это донесеніе, исправникъ немедленно явился на мѣсто происшествія для производства дознанія и составленія акта и, потребовавъ на лицо старосту, спросилъ:

— Ну что ты, староста, знаешь по дѣлу о пожарѣ?

— Мы, пане, ваше высокоблагородіе исправникъ, по цему дилу все знаемо, отъ начала до кинця—отвѣчаетъ спокойно староста.

— Ну, раскажи-ка, раскажи, а я твое показаніе запишу, —приказываетъ исправникъ.

— Це було въ недилю,—началъ староста,— пипъ дзвонивъ до церкви и я пишовъ до ней; отстоявъ обидню; потимъ, идучи съ церкви, повернувъ до росправы; коли ось

де не возьмись кумъ Максимъ, та й гука на мене: „кумъ Семенъ Степановичъ, пидождить, бо щось вамъ скажу!“ Я и пидождавъ. Ось пидходыть кумъ, почоломкалысь съ недилею поздравилъ, та й каже: „Ходимъ, куме, до Гершка, выпьемъ, куме по осмушци, та и пидемъ обидаты“.

— Да ты, братецъ, прерываетъ его исправникъ,—говоришъ то, что не относится къ дѣлу.

— Ни, паночку, усе до дила, ось послухайте! Я, простить на цимъ слови, не хотивъ обидыты кума и пишовъ зъ нимъ въ шинокъ. Тильки це переступывъ черезъ поригъ, коли тамъ кумъ Степанъ зъ кумою Солохою пошутуется, и де кого тамъ не було, булы чужи, булы и родичи. Якъ побачылы мене и давай зо всихъ бокивъ пошутувати, а кума Солоха ажъ поцилувала мене, шо бачь, одъ неи повну выпивъ. А кумъ Максимъ и непоспишився мени и поднести осмушки.

— Что жъ ты и теперь, должно быть, жалѣешь?—шутливо замѣтилъ исправникъ старостѣ.

— Та трохи шкодую... колы ось приходыть моя жинка, и ну мене шпыгнувати: ты сякій, ты такій; ты и пьяниця, ты лядащо, ты и волоцюга. Уже мене она лаяла, лаяла та спасиби куми Солоси: пиднесла ей одну, та другу, тоди моя молодица трохи и помяхчала. Якъ трохи пидпилы, та заразъ и до дому пишлы зъ жинкою разомъ. Я тильки

що переступивъ черезъ порогъ да зразу на жинку: давай, кажу, обидать!... Жинка дывыцця, що я пьяный, дала. Потимъ обидаю, обидаю, коли це слухаю въ одинь дзвинь *) хрямъ, хрямъ, хрямъ! и я догадався, що пожжежа **) да гулькъ у викно, дивлюсь, ажъ хата Тропака горить. Тильки, пане чувъ и бачивъ, що розсказувавъ.

---

4. Шынокъ.

Не велыку й не багату
Чоловикъ построивъ хату,
Та й поставъ у сели,
Коло миста на шпыли.

Потимъ винъ, якъ въ клитци пташу,
Надъ викномъ повисывъ пляшку,—
И, якъ витеръ похитне,
Пляшка визьме та й кывне,

А хиба-жъ воно одвику
Тее можна чоловику,
Щобъ, якъ пляшка закыва,
Не здурила голова?

Отъ якъ пляшка закывае,
Винъ до шынку й повертае,
Сяде, гляне въ поставець,
Та й потягне гаманець,—

И вже грошей и не личе...
Чоловиче, чоловиче!

---

*) Дзвинъ—колоколъ, **) Пожежа—пожаръ.

Що въ тій бочци онде е,—
Все воно до дна твое!
Тамъ сыдыть твій заробитокъ,
Тамъ лежыть худоба дитокъ;
Сино те, що ты косывъ;
Жыто те, що Богъ вродывъ;
Тамъ твоя свытына сира,
Хомуты, ярмо сокыра;
Дрова ти, що ти продавъ,
Садовына, що збиравъ;
Сылы ти, що ихъ не стало;
Те здоровья, що пропало;
Сльозы жинкы, серця мичъ;
Пьяна лайка день и ничъ...
Все воно туды пирнуло,
Все въ тій бочци потонуло,
А вона все та жъ одна—
И безъ верху, и безъ дна!
Чую: витеръ повивае,
Пляшку хылыть та хытае;
А вона соби кыва
Га до шынку зазыва.

Я. Щоголевъ.

---

20. Старшына.

Разъ обралы соби люде старшину. Отъ и запысався новый старшына; зробывсь такый пановытый, що й пидступыты до його страшно. Сыдыть якось новый старшына на

рундуци и бачыть, що хтось йиде селомъ. Погукнувъ старшына на свого небожа:

— Бижы мерщій, та спытайся, що воно за птыця така йиде черезъ мое село.

Кынувся хлопець миттю доганяты, бижыть та гука на пройижжачого щобъ пидождавъ. Сталъ. Пидбига хлопчикъ.

— Чого тоби треба? пыта пройижжачый.

— Та нашъ новый панъ-старшына звеливъ спытаты, що вы за птыця така тутъ йидете?

— Скажы своему новому старшыни,—озвавсь пройижжачій,—що и ты дурень, и старшына дурень.

Вернувся хлопець. Старшына пыта:

— А що?

— Та то якыйсь знайомый.

— Якъ?

— Та такъ: и васъ знае, и мене знае.

— Якъ же винъ знае?

— Та казавъ, що й вы дурень и я дурень.

Замовкъ старшына. Съ того часу вже никого не пытався.

ИЗДАНІЕ
И. Г. ГУБАНОВА.

Въ Кіевѣ на Подолѣ соб. д.

цѣна 20 к.

Хромо. лито. тило. ИИ Чоколова Кіевъ Б. Житомирская 20. с. д.